

Осенний реквием

«Он всего лишь один из множества чопорных, ожесточённых и чрезмерно чувствительных представителей среднего класса, норовящих выдать свою немощную декадентскую похоть за нечто одухотворённое и сократическое»

Стивен Фрай «Лжеец».

Ты увешиваешь себя золотом и серебром, дырявишь уши ради платиновых серёжек-гвоздиков. Кто-то тычет в живот стальным лезвием, нашпиговывает тебя кусочками свинца. Только все эти действия не меняют сути. Ты как был, так и остался куском сырого мяса. И не льсти себе!

Быть мной - огромное преимущество. И это не просто заслужить. Быть тобой - глупая несчастная ошибка. Сидишь в темной кладовке, сжав в руке черенок от сломанной швабры. Дрожишь. Тебя бросает то в пот, то в холод. Ты затравлен, испуган, на грани срыва. Одна доля секунды отделяет от бушующего океана паники, истеричного бега, криков, слёз, мольбы, смерти.

Я сижу в удобном мягком кресле напротив белой двери. На коленях томик стихов Бродского. Приятная находка в этой скудной библиотеке.

Тошнит созерцать твои жалкие потуги в чтении. Это желание быть модным, начитанным, «разбирающимся». Как много за это отдано. Ни один автор не повторяется дважды, собраны все бестселлеры мировой литературы! Томики аккуратно сшитого, едва прочитанного, банального дерьма ровным строем стоят корешок к корешку. Сверху глянцевая книжечка «Сто самых великих произведений мировой литературы от «Guardian». Стопка пластиковых коробок с премиями Оскар, берлинские медведи, каннские ветви. MP3 диски: «Лучшие хиты классической музыки», «Классика джаза», «Классика рока».

Мне всегда казалось, что к собственным вкусам и привязанностям, необходимо идти самостоятельно, без лживых проводников – Сусаниных. Гордись своим отсутствием утончённости эстета. Ты естественен в своей безграмотности и аляповатости. Дорожи этим.

Но, нет! Мне совсем не жалко. Ты заслужил собственный страх своей никчёмной жизнью. А можно ли назвать ЭТО жизнью? Так «Классика среднего менеджера» увешанная Никами, по роману лауреата русской премии Букер. Какой бы приз я получил за реалистичность сцены твоей смерти? - «Золотая малина», либо «Порно-Оскар» Most Outrageous Sex Scene (самая жёсткая сцена). Выбирай!

Чёрный блестящий пластик музыкального центра. Ламповый усилитель. Дорогая игрушка должна подчеркнуть изысканный музыкальный вкус хозяина, но при этом обязана быть весьма эргономичной и, ни в коем случае, не превышать мощности рядовой электробалалайки, дабы не мешать упиваться соседям собственной серостью в своих отдельных респектабельных кельях. Бетонный муравейник подобных тебе. Моя мясная лавка.

Листаю файлы с дисками в своём рюкзаке. Ставлю диск Сергея Курёхина «Ибливый опоссум». Картинно душишь тебя волнами Вагнера, либо хаотичной бурей Шнитке, а может сунуть что-нибудь из нью-йоркского хардкора, забить вопли тягучей рагой от Sizzla.. Всё это уже было. Было, но не с тобой! Сегодня, ты сидишь в своём псевдо убежище среди пыльных банок, старой обуви и коробок с битыми плафонами. Сидишь на игле собственного страха. Слышишь как я листаю книгу, комфортно устроившись в кресле перед дверью кладовой. Слышишь безумные, хаотичные вопли и рифы Поп-

механики во Франции. Пожалуй, я не буду забирать себе этот диск – это мой подарок тебе. Оставлю его играть, просто перешагну через окровавленное тело, положу томик стихов тебе на разорванную в клочья грудь, закрою дверь и уйду.

Рядом с моим креслом на ковре лежит бензопила, иногда я свешиваю правую руку и любовно глажу её по холодному металлическому корпусу.

Ни страны, ни погоста
Не хочу выбирать.
На Васильевский остров
Я приду умирать.
Твой фасад тёмно-синий
Я впотьмах не найду.
Между выцветших линий
На асфальт упаду

И душа, неустанно
Поспешая во тьму,
Промелькнёт над мостами
В Петроградском дыму,
И апрельская морось,
Над затылком снежок,
И услышу я голос:
- До свиданья, дружок.

«В организме взрослого человека находится около пяти литров крови. Кровь - это один из видов соединительной ткани организма. Основную ее часть составляет жидкое межклеточное вещество - плазма. В плазме находятся клетки крови - эритроциты и лейкоциты и кровяные пластинки - тромбоциты, которые образуются из клеток красного костного мозга. Их созревание, накапливание и разрушение происходит в других органах.

Кровь - одна из жидких внутренних сред организма. Кровь движется по замкнутой системе кровеносных сосудов и выполняет транспортную функцию. Она приносит к клеткам всех органов питательные вещества и кислород и переносит к органам выделения продукты жизнедеятельности. Кровь обеспечивает защитные реакции организма от инфекций»

Серое осеннее ленинградское небо над головой. Сыро, промозгло. Настроение, как сгоревшая одинокая спичка, скрючившаяся, поникнувшая чёрной головой вниз. Грустно и зябко. Кидаю медицинский справочник в урну вслед за потухшей на ветру сигаретой.

Кровь стала моим откровением. Страхи, метания, чаяния, мечты, карьера, деньги, планы... Вся эта хуета ушла. Смыло унитазной водой, не оставив и следа. Чувство голода, жгущее изнутри, пылающее внизу живота. Приятное, мягкое, обволакивающее чувство. Я укрываюсь им, как тёплым пледом. Ёжусь, растягивая удовольствие до состояния перевёрнутой восьмёрки - до бесконечности.

Я где-то читал, что волки и акулы испытывают голод всегда. Чёрт знает, является это наказанием, либо даром. Это та данность, с которой просто приходится мириться. И я не против с этим жить. Я принял это за истину. А, как известно, пытаться докопаться до сути истины неблагодарное дело.

Я хищник. Живу охотой, смертью слабого. Питаюсь осколками человечества. Преследую, загоняю, истребляю. Я не испытываю сентиментальности ни к себе, ни к пище. Зачем!? Я просто хочу есть. И не дай вам Бог, если я учую ваш запах.

Да, БОГ! С большой буквы из уст кровавого убийцы. А что вы ждали? Вера не требует доказательств. Вас ведь не коробит жрать животных, и рассуждать о чистоте души. Так чем хуже я?

Брожу по опустевшему городу. На осколках разбитых витрин чуть играет слабое, выцветшее солнце. Осень в Питере нежное, чёрно-белое естество одиночества. На Невском стоит глянцевоый кортеж из тонированных Мерседесов с номерами «ООО» и «ОАО». Они не успели сбежать. Двери машин открыты. Яркие пятна крови блестят на белых кожаных салонах. Портфели, бумаги, телефоны, одинокие туфли. Тел нет. Их разодрали в клочья. Охранники не успели вытащить оружие. Никто не ожидал. Никто.

Лишь разбитые окна дома Зингера удивлённо таращатся на кровавые следы людского пира.

Я на балконе ресторана «Терраса» на Казанской улице. Вид сверху впечатляет. Удобный белый диван, единственный не заляпанный кровью и грязью. Столик, бутылка кальвадоса, коктейльный бокал - всё, что нашёл в этом бардаке. Битое стекло, ломаные столы и стулья, вывороченная барная стойка, следы пуль на стенах, запах гниющего мяса и потрясающий вид на Казанский собор. Сегодня я здесь единственный клиент.

- Официант, меню мне, - картинно машу рукой, изображая лень и барство. Мой голос отдаёт эхом в глубине разрушенного ресторана.

- Сейчас, одну минуточку! Иду!

Вздрагиваю от неожиданности. Из чрева помещения ко мне ковыляет невысокая блондинка, лет двадцати пяти. Миловидное личико, белая облегающая майка, а облегать есть что. Голубые джинсы с белым крахмаленным передником. В правой руке глянцевоая папка меню, левая учтиво убрана за спину. Правую ногу чуть подволакивает. Всё буднично и обыкновенно, вот только жёлтые кеды густо заляпаны алой кровью. И глаза. В них горит яркое пламя голода, пылает безумной страстью.

Она встаёт так, что бы перекрыть мне пути вероятного отхода. Левая рука появляется из-за спины с увесистым поварским ножом для рубки мяса.

- Десертную карту, желаете? - голос её не предвещает ничего хорошего. Как мне это нравится. Наличие доброго заряда электричества в отношениях полов всегда рождает надежду на интересное продолжение.

- Да, пожалуй, десерт не помешал бы, - смотрю ей прямо в глаза. Два пламени внутри нас сливаются в единый огонь, пожирая всё на своём пути.

- Блин, опять голодная, - она всплескивает руками в негодовании. Плюхается на диван рядом, бросая нож и меню на стол. Нагло хватает мой бокал, наливает больше половины. Жадно, молча пьёт, большими, глубокими глотками. Протягиваю ей сигарету. Она закуривает. Откидывает голову назад, смотрит на низкое серое небо. Мы зависаем на не определённый отрезок времени.

- Скоро всему конец, - она затягивается полной грудью. Я чуть отстраняюсь и с удовольствием рассматриваю её. Волнующие формы рожают во мне сильные приливы внизу. Улыбаясь думаю, что об этих своих возможностях и желаниях я как-то забыл. Вероятно зря.

- Мы в кольце. Уже уничтожили Сестрорецк. Сожгли дотла. Бомбят Кронштадт. Вечерами на горизонте видно зарево. Я часто сижу на крыше. Вижу, как круг вокруг нас смыкается. Скоро всему конец, - она говорит как в забытьи, повторяя одну и ту же молитву.

Глажу её светлые волосы, она кивает головой в мою сторону, льнёт ко мне. Целую ухо, шею, подбородок. Она захватывает меня в стальной капкан объятий. Плечом толкаю стол, падаю на спину вглубь дивана. Она валится сверху. Ташу вверх майку, снимаю её через голову. Белый лиф, хватаю за каждую чашку. Рву на себя. Она рвёт на куски мою

рубаху. Ищу ротом её губы, одновременно пытаюсь раздеть её. Грёбанный передник и джинсы на болтах, сука! Оба громко нервно смеёмся, продолжая кромсать пространство навстречу друг другу. Целую её, сжимаю. Она кусает меня за верхнюю губу. Моя кровь брызгает и смешивается с её слюной. Тела переплетены, наращиваю темп, вцепившись в её скачущую грудь. Она снова кусает меня за шею, кусает до крови, сосёт и стонет. Я в нарастающем ритме двигаюсь, выкручиваюсь из-под её тела, нависаю над ней. Закидываю её ноги высоко, склоняюсь к потному лицу. Вытягивает руки, хватает меня за шею. Отгрызает кусок мочки уха. Глокает в диком экстазе мою кипящую кровь. Мы оба хрипим, скатываясь вниз. Катаясь в тёмных пятнах крови и грязи, режем тела об осколки стекла. Дышу её запахом, её телом, её волосами, её потом, кожей, её голодом. Кричим вместе. Наши голоса разносит стылый ветер по пустынным улочкам мёртвого города.

Чуть позже её выворачивает наизнанку. Заражённая кровь не усваивается организмом зомби.

Расстались, как и встретились, без тени сомнения и сожаления.

С женой мы познакомились в клубе «Мама» на Петроградке. Джангл и брейкбит лезли из всех щелей и динамиков. Я - голая лимита, согреваемый пожаром одиночества и бедности, носился по этажам в поисках случайных женских ласк. Моя активность сродни конвульсивным движениям дворового блохастого молодого кота. Еда и секс - два главных двигателя в этом исхудалом теле. Яркие клетчатые брюки-дудочки, чёрная майка и кеды на высокой резиновой платформе - мой единственный парадный гардероб. Да собственно, что врать, просто единственный. Редакционная книжка подающего надежды молодого внештатного корреспондента жёлтой от мозга главного редактора до цвета бумаги питерской газетёнки. Мой пропуск на все буйства и рейвы того беспокойного времени. Неестественный цвет моих волос говорил окружающим о небывалом урожае хны в этом году.

- Меня зовут Надя, - сказала она и стеснительно потупила взгляд.

Стандартная, обыденная словесная баланда: имена кислотных героев, писателей, музыкантов, актёров, режиссеров, просто знакомых отморожков, лилась из меня привычным бурлящим потоком. Она остановила меня жестом:

- Ты не местный, это слышно по акценту. Откуда ты?

- Родом мы будем из крепостных матушки Снежной Королевы. На месте города моего сейчас погост из холодных труб и телевизионных антенн под толстым слоем снега и мусора.

Она улыбнулась:

- Красиво. У тебя есть будущее.

Там в потном клубе под раскаты басовых и импульсы телесных содроганий танцующих я понял, что у меня есть будущее. И имя ему – Надежда.

Красный мотороллер, тарыхтя и кашляя, уносит меня на Каменный остров. Одинокие улицы города с грустью смотрят мне вслед.

Электричество подают урывками. Как только появляется свет, включается телевизор, радио, появляется интернет. Поток новостей несмываемым поносом течёт в нас.

«Правительство Российской Федерации создало чрезвычайную комиссию... строгий эпидемиологический контроль.. альянс скандинавских стран признал родиной страшного вируса Датское королевство... утечка материала из закрытой военной лаборатории в Копенгагене.. смелые эксперименты над человеческим иммунитетом.. заражённая зона - часть Ленинградской, Новгородской, Псковской областей.. военное кольцо вокруг... карантин.. решение о степени военного вмешательства ещё окончательно не

принято.. внеочередное заседание ЮНЕСКО вычеркнуло Санкт-Петербург из списка городов исторического наследия..»

Всё это новости ВНЕ, но есть жизнь и внутри.

Группы опустившихся алкоголиков, наркоманов и бомжей контролируют Лиговку и улицу Марата. Их кровь никому не интересна. Гнилой коктейль из гепатита, СПИДа и героина. Они смело разгуливают по подконтрольным им улицам, но в прямой конфликт не вступают. В их жизни ничего не изменилось, кроме погромов продовольственных магазинов. Дворы-колодцы заросли мусором, гнилью, трупами. Внутри этих куч копошатся животные и те, кто когда-то были людьми. По ночам тишину рвут искажённые крики жертв и вой одичавших собак.

Незаражённые актёры небольшого театра пытались вырваться из здания, заgrimировавшись на манер дешёвых американских кинолент про зомби. Когда они вышли на улицу толпа рукоплескала. Такие овации они не видели за всю историю существования труппы. Вдоволь наопладивав, толпа разорвала их.

Метро - отдельная история. Каждая станция, каждый переход, туннель стали свидетелями жутких кровавых битв. Куча народа полегла здесь. В ходе долгих продолжительных стычек данное пространство стало обителью агрессивно настроенных инфицированных группировок. Они делают вылазки наружу не щадя никого. Голод, унифицированный в стадный алтарь.

На окраинах пылают пожары. Огненные языки пляшут по горизонту, стирая одну улицу за другой. Самопроизвольные пожары и организованные поджоги.

Ты перепробовал мясо всех домашних и бродячих животных. Коллекция из кошек, собак, крыс. Но их тела и кровь не утоляют жажды.

В контакте, в одноклассниках, в твитере, в ЖЖ появились анкеты со статусом «Инфицирован». Интернет сообщество не знает, как реагировать на это. «Зверь», «Будь ты проклят!», «Зомби! Тебе скоро придёт конец», - случайные отзывы на твой статус неизвестных тебе людей. И не за что их винить.

Постепенно растёт температура тела. Внутри горит медленное пламя. Волосы и ногти растут с безумной скоростью. Появляется звериное обоняние. Запахи, как книги. Ты читаешь их. Жизнь не дала мне шанс сдохнуть в теле Гомера Симсона.

Дети! Самое страшное - это инфицированные малыши. Голод полностью изменил их. В их жизни больше нет родителей, друзей, домашних животных, ночных страхов, игрушек. Лишь жгущий изнутри голод. Это наши дети.

Имя этому городу Готем. Только мы сожрали своих супергероев. Спасать нас некому.

Томик Данте «Божественная комедия» пылает в огне, вместе с двумя скелетами стульев. Огромный чёрно белый портрет Черчилля над камином. Он сидит за столом, ноги накрыты клетчатым пледом, за спиной ровные ряды книжных полок, в правой руке сигара. На лице мудрого политика, седого старика играет хитрая саркастическая улыбка. Сарказм, как мне тебя не хватает.

Двухэтажный аккуратный коттедж на Каменном острове. Трёхметровый бетонный забор по периметру. Система видеонаблюдения. Огромные чёрные металлические ворота.

Два этажа взвешенной роскоши. Ничего лишнего, всё подобранно со вкусом и дополняет единую целостную картину счастливой семьи богатых интеллектуалов. Лишь ящик с аккуратно упакованными жёлтыми китайскими зонтами в гараже создаёт некий крикливый диссонанс.

Сажу на широком подоконнике. Смотрю в сад, он тёмный, густо заросший, совершенно не похож на строгий, аккуратный особняк. Странное соседство предельного педантизма с непокорным диссонирующим характером стихийной заброшенности. Серый бетонный забор окаймляет сад по периметру, разрезая связь с внешним миром лезвием каменной стены.

Я вспоминаю детство, бабушкин сад. Огромный участок, плотно засаженный деревьями и кустарником. Мой хрустальный сосуд детских страхов. Огромный, белый, слепой паук свил свою паутину на потолке покосившегося деревенского туалета. Ноющие скрипучие половицы дома. Низкий, практически без воздуха чердак, забитый мусором и призраками. Чёрная пугающая яма сырого холодного подвала.

Бабушка умерла рано. Дом продали. Я не успел вырасти и самостоятельно справиться со своими страхами. Так и не научился. Продолжаю тушить их, как окурки в пепельнице, тыкая в забитую до краёв и мерзко смердящую душу.

Внизу, в сыром подвале особняка, в темноте прячется она. Ей семнадцать лет. Густое длинное пламя рыжих волос. Небесно-голубые глаза. Задорный, чуть вздёрнутый вверх курносый носик. Длинные ресницы. Узкая талия. Ещё не сформированные девичьи формы. Тонкие длинные пальцы. Она не высока. Я чувствую сладкий, манящий запах. Запах её тела. Запах секундного откровения. Невидимая стальная нить, привязавшая меня к ней.

На ней майка с Кобейном. Курт сжимает зубами дуло револьвера. «I hate myself and I want to die!». Забавны эти рок идолы с их лживым бредом. Я знаком с одним фанатичным зомби. До момента заражения, он был безумным поклонником «Billy's Band». Не пропускал ни одного их концерта, следовал по пятам, набивался в преданные друзья. Хлипкая влюблённая шестёрка. После инфицирования, когда первая волна голода прошла и кровавая эйфория поутихла, он вспомнил о своих вкусах. Заметьте - «вкусах». Звучит двояко. Немного порывав по знакомым адресам, наш герой нашёл свою любовь. Они спрятались на чужой студии в промзоне у депо московского вокзала. На знакомый голос фанатичной подстилки они открыли массивную стальную дверь. Пять человек против одного инфицированного. Ему хватило меньше часа, чтобы разделаться с ними. Насладиться ими. Последним он убил Били Новака. Сейчас он бродит в чёрной майке с изображением своей любимой группы и выглядит вполне счастливым. Вот такой «похоронный дикиленд с бесконечным хэппи-эндом».

- Вы меня убьёте? – её голос скачет, переходит в истеричный плач.

- Нет!

- Что вы хотите от меня? Зачем вам я?

- Хочу сделать тебя счастливой, скормив тебе Кобейна!

- Я вас не понимаю! – она дико воет, забившись в угол, обхватив голову руками.

Я закрыл дверь в её убежище. Загородил вход старой мебелью. Когда уйду, запираю коттедж и ворота в него. Никто не должен найти это место. Мой голод отступает, когда я думаю о ней. И в этом нет ни капли похоти. Она должна выжить. Должна остаться чистой.

- Don Giovanni a cenar teco minvitasì, e son venuto.

- Non si pasce di cibo mortale, chi si pasce di cibo celeste.

- Дон Жуан, ты звал меня к обеду, я здесь.

- Кто обедает на небесах, не нуждается в пищи смертных.

Старый седой профессор держит раскрытый книжный томик, читает вслух. У чугунных перил Каменоостровского моста притулился мой яркий кургузый мотороллер. Ветрено. Стылый воздух больно обжигает холодом лёгкие. Чёрные волны речки Малая Невка, медленно покачиваясь, добавляют новые жирные мазки депрессии в наши остывшие души.

Николай Арнольдович Зайферт, профессор преподаватель иностранной литературы в университете. Мой бывший сосед по лестничной клетке. Милый, не склочный, весёлый старикан, всю жизнь без остатка, отдавший любимому делу-призванию. Мы, свесившись, смотрим вниз - туда, где ватага из шести чумазных голодных пацанов, обступила испуганного азиатского юношу. Руки жертвы связаны за спиной цветастым шёлковым галстуком. Пару раз я видел профессора в этом верхе безвкусыя. На мой взгляд, сосед нашёл совершенно рациональное применение своему гардеробу. Мальчишечий голос остервенело выводит:

- Один американец засунул в жопу палец,
И вынул из неё кусочек мумиё,
И вывалил в трусы кусочек колбасы,
И думает, что он заводит граммофон!

- Фу, Никита! Откуда эта вульгарная пошлятина. Тем более он кореец, а не американец.

- Дед, ты обещал нам американца.
- Всему своё время, малыш.

Николай Арнольдович, оборачивается ко мне. На его седой бороде видны густые следы крови.

- Хотя, вы знаете, сейчас любые осмысленные предложения, слова, эмоций от них это уже достижения. К сожалению, сильное чувство голода подавляет в детях все накопленные навыки, знания, опыт. Эволюция со знаком минус. Постепенно они превращаются в зверей. Теряют речь, разум. Встают на колени. Перестают пользоваться руками. Пьют из луж, спят в грязной листве, как стая собак.

Трясущимися пальцами я закуриваю. Профессор ёжится и кутается в длинном коричневом пальто. Мальчики внизу свежую живьём бывшего студента по обмену.

- Вы не переживайте, я за ними присматриваю. У меня осталось ещё несколько студентов. Они не умрут с голода, обещаю.

- Профессор, вы понимаете, что сейчас нельзя рассказывать о подобном первому встречному? Ваши запасы надо скрывать.

- Вы ведь не первый встречный? Мальчики близки нам обоим. Я не чувствую опасности от вас, поэтому не скрытен.

Наша маленькая квартирка на академика Павлова чудом досталась от Надиной бабки. Жена знала всех соседей с детства. Свой уютный крошечный мир. Каждая копейка в дом. Каждый гвоздик своими руками. Рождение сына, его первые шаги, первые слова, его протянутые руки навстречу и распахнутые глаза. Надины пироги по праздникам. Лыжи, детский велосипед в коридоре. Груды книг и рукописей. Её одежда, запах.

Удаляясь вглубь по Каменноостровскому, в боковое зеркало мотороллера краем глаза я вижу профессора. Он стоит сутулясь, подняв воротник пальто. В левой руке книжка, а в правой целлофановый пакет с мясом. Мой подарок Артёму.

В пустынном торговом центре по коридорам гуляет ветер, проникая внутрь из разбитых витрин. Нужно обновить гардероб и пополнить запасы.

Первым делом спиртное - мой спасательный круг в бушующем океане депрессии. Я хватаюсь за него стальной хваткой испуганного утопленника. Каждая бутылка, стакан, глоток. Но, увеличивая дозу и объёмы погружения собственного мозга в алкогольный кисель, теряю чувство пьяной эйфории. Ватное тело и острый похмельный синдром превратились в обыденное состояние полузабытья. Прекращаю различать разницу между трезвостью и состоянием «в хлам». Благодать преимущества быть пьяным исчезает. Стребаю с полки пару бутылок французского арманьяка, бутылку абсента и текилу.

Одежда. Джинсы, тёплый свитер, майка, носки, трусы, вязаная шапка, перчатки, ремень. Пожалуй, пора поменять куртку и ботинки на «потеплее». Не забыть про бритву и зубную щётку. Вот она мечта о наступлении коммунизма. Ты приходишь в магазин, берешь, что тебе нужно, сваливая старое шмотьё на пол прямо в центре зала. Деньги исчезли, как инструмент.

Мы стоим посреди зала игровых автоматов. Тёма держит меня за указательный палец левой руки. В правой я сжимаю восемь жетонов. Наша мама разрешила только восемь. Оставшаяся сдача пойдёт на колу и ведёрко попкорна.

- Пару кругов наперегонки, на машинках?

- Паааан! Нет, - тянет сын.

- Снова, зомби?

- Да! – он прыгает от счастья.

Мы раз в месяц ходим в этот кинотеатр на очередной мультик. Но именно эта банальная, тупая игра есть верх его детских восторгов. Артём сжимает пластиковый пистолет, стреляет, одновременно болтая со мной:

- Пап, видел как я его? Спорим, что в этот раз я больше пройду!

Жизнь сыграла с нами злую шутку.

Распахнутые двери видеосалона манят внутрь.

Лучшие фильмы про зомби:

«Стая (Орда)»,

«Репортаж 2: Репортаж из преисподней»,

«Зомби 2 (Зомби: Пожиратели плоти)»,

«Возвращение живых мертвецов 3»,

«28 недель спустя» (2007),

«Возвращение реаниматора» (2003),

«Реаниматор» (1985),

«Рассвет мертвецов» (2004),

«28 дней спустя»,

«Ночь живых мертвецов» (1990),

«Конура» (2009),
«Добро пожаловать в Зомбилэнд» (2009),
«Змей и радуга» (1988),
«Про любовь: Медовый месяц зомби» (2004),
«Планета страха» (2007),
«Репортаж: Прямая трансляция из Ада»,
«Я – Зомби: Хроники боли» (1998),
«Зомби по имени Шон» (2004),
«Гуфик» (2008): реалити-шоу зомби,
«О любви, о смерти» (1994): с кладбища с любовью.

Брожу вдоль длинных, забитых пластиком, полок. Огромный выбор сегодня на вечер.

(от банту-конголезского «nzambi» — «бог») — в общем случае обозначение живого человека, полностью потерявшего контроль над собой и своим телом и подчиняющимся чьим-то приказам (будь то в результате действия каких-то препаратов, заклинаний и пр.). В переносном смысле обозначает человека, находящегося под сильным влиянием чего-то - как правило, каких-либо увлечений.

На самом деле, весьма не точное определение случившегося с нами. Весьма не точное.

Доклад агента № K212 (психологический анализ собственного состояния инфицированного объекта):

«Процесс заражения и адаптации организма к инфекции можно разделить на несколько стадий.

В момент воздушно-капельного попадания вируса внутрь организма человек чувствует безумный голод. Теряет разум и внутренний контроль при виде крови. Несколько дней (около недели) не может остановиться, нападая и поглощая не заражённых жертв. Кровь инфицированных не рождает жажды, скорее наоборот, отталкивает от себя. Обостряются обоняние, вкусовые рецепторы. Постоянный приток сил. Обычная пища отторгается организмом.

Постепенно Ты начинаешь анализировать происходящее, делать выводы. Осознаёшь своё превосходство над ситуацией и слабостью жертвы. Чванство и высокомерие переполняет всё твоё существо. Смакуешь убийство, слёзы и мольбы пищи. Идеализируешь собственные моральные и умственные возможности. Превозносишь себя над природой. Дирижируешь процессом убийства. Принимаешь жажду внутри себя за божий дар и новый виток эволюции.

Ты, твою мать, особенный. Именно голод и чужая кровь сделали тебя таким. Возрадуйся! Алилуя.. »

Чёрный строгий костюм резким хлопком закрывает папку и перестаёт читать. Вскрывает над столом, чуть наклоняясь вперёд, нависает над кругом сидящих. Повышая голос, кричит:

- Так что вам ещё надо? Какие доказательства? Что мы ждём от этих тварей! Милосердия! Пора принять решение и уничтожить город. Стереть с лица земли, как главный источник опасности заражения всей страны. Так имейте же смелость взять на себя груз ответственности, в соответствии с золотом на ваших погонах, - его истеричный голос разносится глухим эхом по бетонному бункеру.

Главный редактор Арон Натанович, за глаза «Иван Иванович». Старый, склочный, потрепанный жизнью, женой, детьми и внуками еврей. Сдвинув указательным пальцем массивные очки на лоб, упёрся липким мутным взглядом мне в глаза.

- Вы, молодой человек, хотите стать штатным сотрудником нашей газеты? – он искренне, не естественно картавит и шепелявит, предполагая, что сей фоновый дефект характеризует его, как мудрого и независимого редактора в меру оппозиционного, «независимого» издания. Я пару лет отираю здесь стены и расшатаваю стулья. И понимаю уровень «независимости».

- И что мне это даст?

- С Вами приятно разговаривать. А что Вы хотите?

- Торжество мирового пролетариата и стабильный рублёвый оклад в эквиваленте равному тысячи американских долларов.

- Восемьсот и будем друг другу рады на официальной основе, согласно штатному расписанию.

Так в моих дырявых карманах появилось стабильное количество денежных знаков, а в душе самоуверенность в собственном журналистском обаянии. Приятная новость. Надя купила бутылку красного чилийского вина, пожарила картошки и призналась в беременности.

Я долго стоял на коленях и целовал её живот.

Над ржавыми крышами города всё чаще стали летать небольшие беспилотные самолёты. Большой брат следит за нами. Где же та камера, в которую я смогу передать свой прощальный привет в зону благополучия, размеренного карьерного роста, постных семейных сплетен за скучным обедом, в зону постепенного увядания, медленной старости, маразма, беззубого рта, очереди за социальным молоком, аккуратного холмика на кладбище. Передать привет с борта нашего краснознамённого Титаника.

Вечером мы сидим вместе у камина. Во дворе мелодично тарахтит дизельгенератор. Лена постепенно перестаёт бояться меня. Она рассказывает мне о своих богатых родителях, учёбе в Англии. Пытается спрашивать о моём прошлом, о моей семье, работе, моём мире. Я молчу.

Где-то там, на Воронежской улице на сером бетонном заборе написано «Вчера никогда не вернётся и завтра никогда не наступит». И я готов подписаться под каждой буквой.

Резкая полифоническая трель дебильной мелодии пугает девочку. Она срывается с места и стремглав бежит в подвал. Запирает за собой дверь.

Звонит мой мобильный. Я совсем забыл его рингтон. По старой дурацкой привычке я постоянно заряжаю его. Хотя не пользовался им уже несколько недель. Собственно, всего один раз с момента заражения. Они тогда снова нашли меня и уже попросили. Ведь я вышел из-под их влияния. Потерял контроль. Приказывать мне, в сложившейся ситуации, безуспешно. Но я пошёл им навстречу и написал тот отчёт.

- Привет! Это ты? – сто лет не слышал его голос.
- Да. Как ты нашёл меня?
- Твой номер. Просто подумал: «А вдруг?». И оказался прав! Ты ведь никогда не расставался с трубкой.
- Особенности профессии. Ты же понимаешь. Как там Света?
- С ней всё хорошо. Твои живы?
- Нет.
- А ты? Что с тобой? Ты заражён?
- Да. Хочешь понять - как это?
- О господи! Наверно, нет. Не хочу.
- Я вряд ли смогу чем - нибудь тебя обнадежить. Всё это произошло именно с нами, а не с кем-то другим.
- Не будь так жесток. Я ведь всё понимаю.
- Понимаешь? Артём убил Надю. Убил и съел собственную мать. Ему шесть лет. Он живёт в Лопухинском саду, в парке напротив нашего дома с другими больными мальчиками. Они уже не умеют разговаривать. Дети не могут перенести, пересилить свой голод. А я... Ты хочешь узнать, кого съел я?
- Нет, прости. Прости меня.
- Ты понимаешь, что просишь прощения у зомби?
Белое полотно тишины растянули меж нами сотни километров мобильной связи.
- Здесь, за кольцом блокады сложно понять, что же там у вас твориться. Я не знаю, что тебе сказать. Ты всегда был мне дорог. Я скорблю по Наде и Артёму. И по тебе тоже.
- Наверно я должен поблагодарить тебя?
- Перестань! У вас осталось две недели. Они приняли решение. Сейчас полностью эвакуируют приграничные зоны. Локальная ядерная атака. Я хочу попрощаться с тобой.
- Прощай!
Брызги разбитого мобильного отскакивают от стены напротив.

Арт-группа «Война» выкладывает из мёртвых тел на дворцовой площади слово «Welcome». Прекрасный получить снимок с высоты полёта беспилотника.

Моё сознание пляшет, рвя грани между прошлым и настоящим. Мутный коктейль из воспоминаний и действительности. Рваный ритм моей жизни. Я теряю способность различать что же происходит на самом деле, а что лишь плод моей памяти.

Постепенно связь с жизнью вне города пропадает. Перестает работать радио, телевизор мерцает серым экраном, исчезают мобильная связь и интернет. Нам больше некому врать.

Пытаюсь вспомнить, как же это случилось:

«Тридцать первое августа, митинг оппозиции перед Гостиным Двором. Не больше тридцати человек истерично кричат в мегафоны, размахисто машут чёрными флагами, на груди мятые бумажки с протестами, худые немощные тела распластываются в знак протеста на холодном асфальте. Санкционированная истерика. Случайные прохожие обыватели кидаются прочь от этого опасного, сумасшедшего действия. Четыре бронированных полицейских Урала, парящий в небе военный вертолёт, машина скорой помощи, ОМОН в боевой раскраске с железными щитами и в чёрных блестящих касках. Длинные эрегированные резиновые дубинки в руках, вздёрнуты в небо.

Сжимаю холодный пластик фотоаппарата. На спине размахистая надпись – название газеты. Снимаю. Хорошие фотографии людской агрессии. Вот лица «несогласных» искажены страхом, ненавистью, болью. В сухих, беззубых ртах стариков бьётся

визгливый, сумасшедший протест. Суровые, пустые лица палачей в форме. Блеклые взгляды безразличия прохожих. Сутолока журналистов на фоне локальных очагов трагедии. Цветные фотографии красочных сцен, современная интерпретация картин Брюллова «Последний день Помпеи». Я хорошо на них заработаю.

Ещё пару снимков. Лица активистов, управляющих процессом. Лица иностранных журналистов, наскоро берущих интервью у людей, сидящих на тротуаре. Знакомые лица заинтересовавшихся прохожих, лица симпатизирующих милиционеров. Я всегда тешу себя, что в этом - мой гражданский долг. Мой протест желтизне прессы, двуликости моей основной работы, моей жизни. Моё собственное оправдание внутреннему журналисту, фотографу, неудачнику, лжецу, филёру, Иуде.

Массивные чёрные тучи прорываются нам на головы густым грязным ливнем. Мы поднимаем вверх голову и глотаем капли дождя. Сладкий привкус на языке. Дети дьявола начинают плясать внутри меня. Голод, мой голод жгёт меня. Серый кисель из пространства, времени, действия. Внутри, как мучные комочки, одиночные воспоминания произошедшего.

Я вцепился в горло высокому мужику в чёрной косухе, он судорожно цепляет руками воздух, стучит ногами. Коренастый омовенец и седая старушка разрывают вдвоём мужчину в жёлтой куртке с надписью «Деловой Петербург». Чёрный тонированный лексус обступает толпа, мужчина в строгом костюме стреляет в нападающих. Машина резко стартует с места и бьётся в фонарный столб. Толпа настигает его, вытаскивает извивающееся тело наружу. Падающий дымящийся вертолёт на крышу Гостиного двора.

Монотонный голос диктора из автомобильного приёмника:

- Дорожная ситуация в эти дни неблагоприятная, особенно на загородных магистралях - сильный туман. Густой пеленой окутаны участки трассы "Скандинавия". Видимость очень плохая. По словам синоптиков, это легко объяснимо. Такие явления в конце лета, начале осени связывают с приходом скандинавского антициклона. Зато в городе из-за него довольно тепло, правда, облачно, иногда дождь».

- Саечка за испуг! – шучу я. Она, осторожно крадась, возвращается в комнату, снова садится у камина. Девочка натянуто улыбается.

Ещё один вечер мы проведём вместе.

Стопка из старых чёрно белых карточек дореволюционного города. Выцветшие штампы фотоателье К.К.Буллы. Пометки тушью Я.В.Штейнберга на обороте.

- Папа собирал старые фотографии. Любил их разглядывать, сидя вечерами здесь, перед растопленным камином.

Мужчина в строгом костюме из чёрного ведомственного лексуса. Мужчина из моей памяти. Этот же мужчина на её семейных фотографиях.

Утром в ванной я монотонно тру тупой бритвой по щекам. В зеркале напротив чужой незнакомый мужчина. В глазах пустота. Даже запах поменялся на кисловатый трупный дух начала гниения. День на день наслаиваются, не оставляя следов, отпечатков, эмоций.

Я встречаю Николая Арнольдовича на Университетской набережной. Он одиноко сидит на каменных ступенях и смотрит на воду, на жёлтый купол Исаакия. Сажусь рядом.

- В небольшом бедном государстве Гана на западе Африки делают замысловатые художественные гробы. Ручная работа. Каждый из них не похож на предыдущий. Этаким похоронный карнавал. Город это наш раскрашенный итальянскими зодчими гроб, – профессор говорит, не оборачиваясь и не здороваясь со мной.

- Что далеко ходить. Исаакиевский собор перед нами. В строительстве собора приняло участие четыреста тысяч рабочих. Около четверти из них умерло от болезней или погибло в результате несчастных случаев. Особенно опасной была работа позолотчиков. Применялся, так называемый, огневой способ. Парами ртути отравились и умерли

шестьдесят мастеров, - я помню назубок её слова. Жена часто водила здесь туристические группы. Я любил наблюдать за ней, стоя чуть поодаль в толпе каркающих туристов.

- Вы говорите словами Наденьки. Знаете, всё бы ничего, и я бы не жаловался. Но запор. Он мучает меня. Не хотелось бы закончить жизнь фейерверком «дерьма».

- Не поэтому ли вы держитесь у самой воды, профессор?

- Отчасти, - улыбка одними морщинами. Он должен запатентовать это своё уникальное свойство «шарпея».

Кусочек розовой скомканной бумаги торчит из кармана пальто старика. Я аккуратно вытаскиваю розовый ком. Разворачиваю. «Эрмитаж. Зал героев войны 1812 года, суббота в 19 00 концерт струнного оркестра «Дивертисмент»». Сегодня суббота. Флаер.

Профессор поворачивается ко мне. Молчит, долго пристально смотря мне в глаза.

- Я сегодня убил мальчиков. Застрелил всех. Медленно стрелял с моста. Одного за другим. Они даже не понимали, что происходит. Мой Никита, ваш Тёма, другие мальчики. Шесть маленьких одиноких тел.

- Запор, Николай Арнольдович, прямое следствие нашего образа жизни. Мясная диета. Это мучает нас всех. Расплата в виде говна.

Одинокий силуэт старика у меня за спиной.

Мазня соплями. Вас так же заебала эта хуйня? Так добавим драйва в слезливое болото, медленно умирающего повествования.

Бродя по сырому и холодному городу в поисках чего-то, о чём сам не догадываюсь, я наткнулся на него. На улице Рубинштейна в подвальном помещении бывшего ирландского паба «Моллис». Стены исписаны свастикой и надписями «White Power», «Волки Сварога», «Шульц 88», «Skinheads», «Славянская община». Алый фашистский стяг прикреплен к крыльцу. Трудно не зайти на огонёк.

Коренастый, мощный, коротко стриженный, одетый в чёрный бомбер и обтягивающие серые джинсы, закатанные на голенищах, со спущенными подтяжками, массивные красные мартинсы. Два увесистых кулака сжимают охотничье ружьё. Из-за ремня торчит длинный немецкий штык-нож. Мятое лицо молодого бульдога, шрамы, щетина, тупая ненависть в глазах. Приятный собеседник.

Он стоит в центре зала, широко расставив ноги. Прижав карабин к груди. За его спиной на коленях трое связанных гастробайтеров. Кровь, гематомы и страх на их лицах.

- Рад тебя приветствовать, брат! – хриплый твёрдый голос, пропитанный самолюбованием и уверенностью.

- Я тоже волк. Такой же, как и ты – белый чистокровный хищник. Раздели со мной трапезу. Это честь для меня. Вот свежее мясо, - он размашисто пинает носком ботинка в лицо одного из пленников. Тот беззвучно валится набок на грязный бетон пола. Видно, что избиения и унижения длятся так долго, что он уже не чувствует боли, отстраненно созерцая происходящее с собой, как скучную телевизионную программу.

- Одного я практически сожрал! На барной стойке раскиданы куски человеческой плоти. Мерзкое зрелище. Меня начинает выворачивать. Гнусное чувство брезгливости, как взбесившаяся пружина, разворачивает свой ход в моё желудке.

- Ты ел его? Ты же не болен?

- Чем я хуже тебя! Я подобен тебе. Мы стая. Выше этой мрази. Вершим их судьбы. Белые волки, - безумье рушится нам на головы девятым валом.

- Заткнись! Дворняга я! Во мне белого не больше чем серого, рыжего и чёрного. Молись, сука!

- Нет, нет. Ты не прав. Я такой же. Тоже зверь! Мы вместе, - он истерично скидывает правую руку в фашистском приветствии, а левая всё также сжимает ружьё. Мгновение моего прыжка растягивается липкой пастилой, как в замедленной плёнке. Реакция инфицированных раза в два быстрее. Огромное преимущество в рукопашной

схватке, когда тобой управляют лишь голые инстинкты. Выхватываю штык-нож из-за его пояса. Наношу короткие резкие удары, втыкая длинную острую сталь глубоко в его тело. Левая почка, правое плечо, в челюсть снизу. Глаза проваливаются вглубь бритого черепа, сияя дырой бездонной паники. Грузное, мощное, молодое тело падает к моим ногам. Истекает кровью, хрипит из разрезанных щёк. Роняю стальной клинок со звоном на пол. Тошнота выворачивает меня наизнанку. Падаю на колени над корчащимся телом скинхеда. Мой голод, как космос. Его нельзя понять. Это ещё живое кровоточащее тело вызывает лишь ненависть и отвращение.

Пора уходить. Встаю на ноги.

- Отдай его нам, - еле слышный голос. Чёрные глаза без страха, без паники. Трое связанных пленных. Режу верёвку за их спинами. Они не могут встать. Слишком долго находились на коленях в жёстких узах. Их руки и ноги затекли. Они валятся набок друг к другу. Заглядывают мне в глаза оттуда снизу, с пола.

- Отдай его нам, пожалуйста!

Закрывая тяжёлую дверь паба, я понял, что голод больше не владеет мной.

Когда-то там, в той жизни мы ходили семьёй на вечер органной музыки в Мальтийской капелле. Вполне обычный и, как правило, единичный поступок псевдо продвинутых родителей. Сидя рядом с сыном, наблюдая, как он, закрыв глаза, бросается в вихрь «Прелюдии и фуги. До минор.» И.С.Баха, я думал, как бы хорошо было написать пошлый банальный рассказик о серой, скучной жизни классических музыкантов, запулить куда-нибудь в грязное месиво интернета, и с чувством кристального мазохизма смаковать самые глупые и сальные отзывы морально виртуальных уродов. Сложить из этих кирпичиков оду собственной безнравственности, глумясь и корчась в эгоистических адских плясках. Я даже придумал название «Странная жизнь и смерть органиста евангелиста Григория Залупы». Очередное господне подтверждение моей серой бездарности. Но, моё графоманство пассивного характера, а посему, сей сакраментальный труд не увидел свет.

Сейчас я стою, прислонившись спиной к холодной стене. Слушатели по периметру зала. В центре сидит струнный оркестр, играет. Свечи горят на деревянных пюпитрах музыкантов. На нескольких поваленных набок телевизионных мониторах в углу идёт запись из отдельных эпизодов: убийство и кремация Индиры Ганди, убийство и похороны Улофа Пальмы, убийство Анвара Садата и Эрнесто Че Гевары. Музыканты играют «прощальную» симфонию Й. Гайдна. Во время ее исполнения оркестранты один за другим тушат свои свечи, забирают инструменты и тихо уходят. Остаются лишь два скрипача, которые грустно доигрывают последние такты и также удаляются.

Я чувствую их запах. Очень сложно понять себя, своё отношение к этому. Голод внутри мечется диким зверем. Половина музыкантов не инфицированы. Никто не бросается рвать их, крушить всё на своём пути, утолять жажду, которая горит в каждом из нас. В зале героев 1812 года около срока посетителей концерта. И все они зомби.

- Здорово, - зелёная натовская куртка, потёртые джинсы, майка с Батерсом «professor Chaos», копна нечесаных сальных волос, цвета пожухшей соломы. Небритость кусками, карие едкие глаза. Протянутая рука навстречу. Хер его знает, как его зовут. Готов поклясться, что и в паспорте у этого типа в графе «ФИО» написано «Хер его знает, типа тот чувак». Игнорирую рукопожатие. Киваю в знак приветствия. Не вежливого приветствия типа: «И я рад Вас видеть!», а приветствия - «Пошёл на хуй!». Но этим таких типов не пронять. У них дополнительный иммунитет на все посылы.

- Слушай, а ведь ты будешь нам полезен. Нужны твои связи, братан.

- Я бы себе вены вскрыл, будь ты мне хоть троюродным племянником.

- Не спеши. Всегда успеешь. Я тоже тебя знаю,- хриплый голос из-за спины. Резко разворачиваюсь на каблуках. Брюнет, бородатый, заросший с большим массивным лбом в коричневом свитере и замшевых брюках со стрелочкой. Возраст лет тридцати, не старше. Не высокий.

- Мне трудно понять причины моей популярности в ваших кругах, - пытаюсь быть резким и злым. Но глаза бородатого, их глубина и мудрость не позволяют мне раздухариться в кровавом сарказме.

- А хули тут понимать!?! Стукач - ты! Меня не раз предупреждали с тобой не связываться. Ты же постоянно вертелся везде. Всё носом водил.

Хрупкое стекло моего самообладания треснуло и начало резать мой организм изнутри, причиняя безумную боль.

- Да пошёл ты!

- Ладно, не кипятись. Мы сейчас о другом хотим поговорить.

- Я не хочу с тобой говорить.

Моя попытка развернуться и уйти не удалась. Резкий удар по ногам сзади, и я как подкошенный упал спиной на пол. Последовало несколько пинков в лицо и живот. По количеству лягающих сверху ног, я понял, что это уже не сольное выступление, а хоровая а-капелла. Немного пофутболив по полу, меня подняли и усадили в центре зала. Бородатый свесился надо мной.

- Не обижайся. Все мы на нервах.

- Да нет, какие обиды! Хочешь, пробей штрафной моей головой. Мне не жалко.

- Извини. Но ты нам очень нужен.

- Заметил. Тронут.

- Шутишь и это хорошо. Нужны твои связи. Нам нужно попросить кое о чём твоих хозяев.

- Я последние недели отбился от дома. Теперь я бродячий пёс. И данный факт позволяет любому живодёру совершенно безнаказанно пнуть меня ногой.

- Но связь то какая-нибудь с ними есть?

- Можно солнечными зайчиками шифровку в центр отбить. Зеркальце есть? Готов поспорить, что у половины из вас косметичка всегда под рукой.

Хлёсткий хлопок добавил фонтан искр от электросварки в мой мозг. Теряю сознание. Из мягкого, липкого небытия меня вернул ушат холодной воды и пощёчины.

- Ты как?

- Ошибся!

- В чём ошибся?

- Не нужно было на эту классическую муть идти. Лучше бы на «Психею» сходил.

Толпа рассмеялась. Эхо гулкого мужского хохота пробежалось по нескольким тёмным залам и залегло где то под белой мраморной лестницей. Сплёвываю на пол комок из слюней и крови.

Табак лучший в мире миротворец. Пускать густые кольца дыма в сводчатый потолок Эрмитажа моя детская мечта. Они сидят вокруг меня. Курят. Мужчины все исключительно зомби. Со стен взирают триста пар мужских глаз. Триста тридцать два генерала, триста тридцать два героя отечественной войны с Наполеоном. И мы кучка инфицированных монстров курящих в центре зала их славы. История должна рыдать.

- Меня зовут Алексей. Портрет одного из моих предков висит здесь. Инфицирован там же где и ты. На Невском у Гостиного двора. У каждого из нас своя история. Свои трупы за спиной. Сейчас не об этом. Нам нужна связь с людьми в погонах за периметром. Мы перепробовали всё, что могли. Ты сегодня единственная наша ниточка к ним.

Моя сигарета заканчивается, и Алексей щедрым жестом швыряет в меня через весь зал непечатую пачку. Маленький верблюд крутится в воздухе, летя в мои руки.

Интересно, высек бы троюродный прапрадедушка внука за курение в общественном месте?

- Мои контакты оборваны, и нет никакой возможности их восстановить.

- Но ведь должен же быть какой-то способ связи!

- Я обычный рядовой сексот, не майор Вихрь и, даже, не Анна Чапман. Моя сморщенная жопа никому не интересна.

Пружинистое движение взлетающего вверх крупного тела пожилого мужчины. Короткие седые волосы, массивное волевое лицо, размашистые уверенные жесты.

- Мы не знаем, сколько осталось времени. У нас нет никаких каналов связи с военными. Давайте попробуем прорваться за границы карантина. Добраться до них.

- Это противоречит нашим целям. Может стоит ещё немного подождать, и способ связи обязательно найдётся? - бородатый тоже встал со своего места.

- Вам осталось ждать меньше недели. Всё будет уничтожено, и даже трава здесь не будет расти лет шестьдесят.

Триста пар мужских глаз снова прикованы ко мне.

- Так связь всё-таки есть?

- Нет. Но есть надежда. Поедешь со мной? – наши глаза с Алексеем соединены единым стальным проводником, ведущим намного глубже в нас.

- Мы все поедем.

- Нет! Только он.

- Ты не можешь диктовать свои условия. Мы даже не знаем, что ты задумал.

- Вот тут мой козырь. Можем попробовать одну идею, но только вдвоём. Прими это, как приглашение на свидание. Не ссы, я буду нежен.

Я подумал, что отвисшая нижняя челюсть в густой чёрной бороде прекрасная пепельница.

Официальное заключение объединённой чрезвычайной комиссии стран Европы: Зона захвата заражённого антициклона из Копенгагена распространилась дальше, поглотив часть Швеции, включая Стокгольм, Латвию, Эстонию, Северо-западную часть Российской Федерации, Часть Финляндии, включая Хельсинки. Основная масса инфицированных, была заражена при прямом контакте с природными осадками (дождями). Вирус не передаётся от инфицированных к здоровым людям. Очаг распространения был локальным, заняв часть скандинавской Европы. Дальнейшего движения инфекции не произошло. Высокий риск неизвестных последствий развития и эволюции вируса не позволяет рассчитывать на снятие карантинных ограничений заражённых зон. Степень военного вмешательства должна определяться самостоятельно локальными правительствами стран, затронутых данной трагедией.

Но сознавая весь риск сложившейся ситуации, правительство Евросоюза готово признать самые радикальные меры борьбы с угрозой заражения оправданными.

У красного мотороллера появился приятель - серый китайский мопед в наклейках Ананимуса, «Стратегии 31» и марша несогласных. Оба малообъёмных товарища притулились к дереву в саду особняка на Каменном острове.

- Неплохие хоромы ты себе отхватил, - бородатый крутится в центре зала.

- Ты, наверно, в прадедушкиных дворцах вырос?

- Я жил с мамой в Купчино. В однокомнатной хрущёвке.

- Отсюда и желание бороться с социальной несправедливостью? Сейчас где обитаешь? Вернул наследство деда?

- Иди в Жопу! Ты, по твоей теории, на Литейном должен жить.

- Там вид из окна мне не нравится. Граффити неприличное на мосту, подонки, типа тебя, намалевали, - мой голос выше на пол тона, чем обычно. Наша словарная перестрелка затянулась и превратилась в банальный пинг-понг.

- Давай прекратим мутные потоки обоюдного сарказма и вернёмся к проблеме. Ты, надеюсь, помнишь, зачем приволок меня сюда? Так что это за место?

Лена должна быть внизу. Наши голоса слышны из подвала. Надеюсь, она заперла изнутри своё убежище на тот массивный навесной металлический замок, который я раздобыл для неё. Алексей подозрительно щурится. Он не должен почувствовать её запах. Если это случится, придётся убить его.

- Это особняк одного из руководителей из того самого дома на Литейном.

- И что, ты обнаружил тайный метрополитен до самого Кремля?

- Нет. Лишь небольшой серый телефон без возможности набора, который работает при любых отключениях связи.

- Занятно! Показывай.

Небольшая квадратная комната кабинета главы семейства. Рабочий стол из красного дерева у окна без штор. Книжные полки до потолка по всем стенам. Коричневое мягкое кресло. Аккуратный, практически незаметный сейф. Зелёная ленинская лампа на столе. Настольный гарнитур с шариковыми ручками, наточенными карандашами. Чёрный закрытый ноутбук, включить который я так и не смог. Небольшая телевизионная панель напротив. И конечно он. Серый, округлых форм, аппарат, как зов из прошлого. Нет ни кнопочного, ни кругового набора.

- Да, гудки есть. Но как же набрать?

- Не знаю. Но выход ведь должен быть.

- А ты не думал, что перед нами средство односторонней связи.

- Это уж как-то совсем тоталитарно звучит.

- Не мне тебе объяснять. Ты эту систему должен знать изнутри.

- Ни хуя я не должен!

- Не ссорьтесь. По нему можно звонить, я знаю как, - Ленка стоит в дверях. Я бросаюсь между ней и Алексеем, хватая со стола тяжёлое мраморное пресс-папье.

- Стоп! Не надо, я не опасен! – бородатый вытягивает руки вперёд. Искры страха пляшут в его зрачках.

- Теперь ты знаешь про неё и этим опасен. Я не могу рисковать.

Он медленно оседает в кресло.

- Она обычная? Не инфицированная? Ты?! – Алексей издаёт булькающие отхаркивающие звуки, смутно похожие на истеричный смех. Нелогичное поведение потенциальной жертвы. Что происходит?

- Кто это? Зачем вам папин телефон? - голос девочки за моей спиной.

- Ты сможешь позвонить с него? Если мы дозвонимся, вы оба всё поймёте. Пожалуйста, давайте попробуем. От этого звонка столько зависит, – голос его стал умоляющим, лицо приобрело просящий собачий вид. Так бы и потрепал за густую бороду. Я потерял контроль над ситуацией.

- Это аппарат чрезвычайной связи. Точно такой же был у папы в рабочем кабинете, а другой в служебной машине. Но звонить может только отец, либо кто-то из его коллег, обладающих специальным магнитным ключом. Вот тут, с торца телефона, необходимо поднести шифрованный ключ, - она ловкими движениями забралась на стол, села скрестив ноги в позе лотоса. Поставила аппарат в центр стола. Лёша сидит в кресле и с удивлением смотрит на девочку. Я закрываю спиной дверь, как возможность его внезапного бегства.

- И где мы возьмём ключ?

- Папа давно рассказал нам с мамой о месте, где хранит дубликат. Когда всё началось, я достала его. Вот он, - она вытаскивает из-под свитера на спине чёрный металлический блестящий предмет. Пистолет.

- Господи, он всё это время был с тобой? Но почему ты не...?

- Не убила тебя? А ты почему?

Секундная пауза рвёт законы физики и превращается в бесконечность. Мы смотрим друг на друга. Смотрим друг в друга, пытаюсь разглядеть что-то там в глубине.

- Но это пистолет, а не ключ, - Алексей внимательно разглядывает оружие в руках девочки.

- Магнитный чип в рукояти, - она отрывает свой взгляд от меня, рвёт невидимые нити, возникшей меж нами связи. Подносит пистолет к телефону. Аппарат мелодично крикает. Лена поднимает трубку, два раза дёргает за рычажок, подаёт её гостю. Алексей жадно хватается аппарат, прижимает его к уху.

- Алло.

- Вас слушают.

- Кто это? С кем я говорю?

- Это же вы звоните нам. Что вы хотите? Как вам удалось воспользоваться этим каналом?

- У нас есть просьба.

- Кто вы такие? Говорите подробнее.

- В городе есть выжившие не инфицированные люди. Мы просим вас обеспечить им эвакуацию. Назначьте место для коридора. Мы вывезем их.

- Вы сами инфицированы?

- Да, мы заражены.

- Зачем вам это?

- Трудный вопрос.

- Вы же хотите, что бы я вам верил.

- Хочу... У них есть шанс выжить. Они не больны. Не инфицированы.

- Штамп вируса ещё не изучен досконально. Опасность все равно существует.

- Создайте карантинные лагеря. Спец зоны. Проверьте их. Изучите. Но дайте шанс.

- Какая выгода вам?

- Никакой. Просто поверьте. Спасите людей. У вас же есть силы обеспечить подобную акцию. Вы же знаете ситуацию в городе.

- Сколько неинфицированных?

- Мы собрали пятьдесят шесть, - Алексей смотрит на Лену, - простите, пятьдесят семь человек.

- Роман среди вас?

- Роман? Кто это?

Лена вырывает трубку из его рук.

- Алло, алло! Я Лена Синицына. Это я позвонила.

- Леночка? Где папа, девочка? Это Николай Иванович.

- Я узнала вас, дядя Коля. Папа пропал. Не вернулся. И мама тоже.

- А ты? Ты заражена?

- Нет, - тело её начинают колотить приступы плача.

- Сколько их рядом с тобой?

- Двое.

- Ты их знаешь? Они угрожали тебе?

- Нет, не угрожали. Я знакома только с одним.

- Понятно. Спасибо, зайка. Теперь дай им трубку.

Сутки мы вели диалог. Алексею пришлось уехать и вернуться со списками спасаемых. На том конце провода появилось несколько человек. Имен их нам не объявили. Они подолгу общались с каждым из нас. Долго и подробно спрашивали меня о моей оперативной работе, о последнем докладе. Запросили общения с несколькими лицами из списка. Леха снова уехал, вернулся через три часа на омовском Тигре. В

брюхе железной уродины сидели четверо вызываемых на контакт и охрана из шести зомби с оружием.

- Не все такие, как мы. Не многие смогли научиться контролировать свой голод, – прокомментировал старший из них мой удивлённый взгляд.

Мы сидим перед аппаратом связи. Леха с интересом роется в бумагах Ленкиного отца. Списки неблагонадёжных граждан, подробная информация о международных фондах и грантах поддержки диссидентства в стране, партийные списки, фотографии, компромат. Познавательное чтение.

- Ты женат? Дети? - мой вопрос отрывает его от бумаг.

- Нет, что ты! Вся жизнь борьба. А бабы лишь товарищи по сопротивлению, боевые подруги.

- А ты не заигрался в солдатики?

- Только равнодушие и лень являются основными нашими проблемами.

- Предвыборный штамп? До блевоты! Как только кто-то начинает ассоциировать себя с народом, выступать от лица масс, мгновенно превращается в шлюху и заслуживает лишь жаркого костра инквизиции.

- Мудрость штатного стукача?

- Житейский опыт. Как ты в это влип?

- Помнишь у Довлатова: « ... родился в интеллигентном семействе, где недолюбливали плохо одетых людей. А теперь он имел дело с уголовниками в полосатых бушлатах». В политике бескорыстия не бывает. Процесс густо замешан на дерьме и крови. Энерджайзер для масс. А ты откуда родом? Как попал сюда?

- У меня карьерный рост прослеживается по генеалогическому дереву. Мой покойный дед был идейным коммунистом. После войны в сорок седьмом попал в сталинские лагеря по навету в антисоветском сговоре. В пятьдесят четвёртом выпустили со справкой и запретом покидать дорогие сердцу заполярные места. До конца своей не лёгкой жизни верил в партию, Ленина и Сталина. «Ошибка произошла»,- говорил он. Но при строительстве коммунизма нельзя останавливаться и давать слабину ради единичных случайных жертв. Сокамерников своих ненавидел люто. Звал жульём и контрреволюционной нечистью.

Сын его, отец мой, с автоматом и злющей немецкой овчаркой охранял те самые лагерные земли всю жизнь, до самой пенсии. Заслуженный пенсионер ВОХРа. Погонами своими малиновыми никогда не брезговал, гордился даже. Меня, сбежавшего в Питер на вольные журналистские хлеба, проклял и от семьи отлучил.

- Весёлая повесть.

- Вот уже как три года вы штатный корреспондент нашей газеты. Пишите хорошо, хлёстко. Материал всегда сильный, своевременный. Стиль узнаваемый. Сарказм вам нравится. Но нет загадки, изюминки в вас лично, как в фигуре медийной, - на столе перед «Иваном Ивановичем» гранёный стакан в почерневшем серебряном подстаканнике с изображением кремлёвских звёзд. Чай с лимоном. Хрустальная пепельница забитая исхудалыми трупами тонких дамских сигарет. Арон Натанович курит показно – «по бабски» держа длинную тонкую сигарету на одних кончиках своих грязных клешней.

- Мне сделать обрезание, вступить в масоны, сменить пол?

- Смысл во всём этом есть. Но я решил ситуацию проще. Вы, помнится, радели за торжество мирового пролетариата?

- Пришло время организовать большевистскую ячейку и метнуть гранату в царя? А руководят всем этим в Моссаде?

- Всегда приятно общаться с Вами, - редактор кисло ухмыльнулся, глотнул чаю, пролив половину на, и без того засранный, костюм, - Всё проще. Я пустил слух, что вы работаете внештатным осведомителем.

- Пиздец! А младенцев я не ем?
- Надо будет, съедите, - его пороссячья морда потянулась ко мне через весь стол.
- Пойми, мальчик, это нужный шаг. Это придаст тебе шарм и люди к тебе потянутся. На собственном опыте знаю.

Вот так меня «женили» без согласия. И первыми из «потянувшихся» ко мне людей были мои предполагаемые работодатели.

Полковник Мансуров Рафаиль Равильевич в тёмно-сером строгом двубортном костюме, белой накрахмаленной рубашке с серебряными запонками. Пьёт свой двойной эспрессо в небольшом кафе на втором этаже Дома книги на Невском.

- Ходят занятные слухи. Я слышал, что вы наш внештатный сотрудник.
- Готов принести извинения за это нелепое недоразумение.
- Ну, это мы исправим. Добро пожаловать в органы, сынок!
Приведённые позже доводы исключали возможность отказа.

Позже мы получили утвердительный ответ. Сложная процедура идентификации спасаемых и согласование всех моментов эвакуации. В течение шести часов мы должны были собрать всех и доставить на территорию речного пассажирского порта у вантового моста.

Бронированная колонна из тяжёлой военной и полицейской техники движется по Октябрьской набережной. Белые хлопья первого снега валят сверху нам на головы.

- Откуда всё это? – я удивлён.
- От верблюда. Из эпицентра заражения. С места демонстрации у Гостиного. Вспомни соотношение сил: двести омовцев, тридцать несогласных и пятьдесят журналюг-сексотов. Вот собственно и автопарк того цирка «Дю солей».
- Да, что ж всё крутится вокруг этого дерьма?
- Задумка автора, - бородатый хмыкнул и ткнул указательным пальцем в грязное ленинградское небо.

Небо – ржавая крышка консервной банки чуть приоткрыта, разводы копоты и сажи блестят на солнце. Внутри мы и Голод, как бычки в томате. Густое месиво из слипшихся тел-душ в бордовой слизи нашей зависимости.

На фоне горящего вантового моста висят шесть чёрных грузовых вертолётов. Облака над нами чертят реактивные штурмовики. Стройная цепь из вооружённых солдат в костюмах химической защиты. Надпись «BIOHAZARD» на бронетранспортёре. Дула автоматов нацелены на нас. На крыше здания пассажирского порта установлены крупнокалиберные пулемёты. По периметру пропускного пункта заминированная полоса. Случайный чих может привести к молниеносной резне. Секунд двадцать хватит, чтобы размазать нас по асфальту.

Стоим молча, зажав пальцами жопы, боясь пёрнув разрушить мир. Ещё этот чёртов запор.

Фамилии и имена из мегафона разносит стылый ветер.

- Ты будешь по мне скучать?
- Нет.

Ветер подхватывает её имя.

- А я буду, - она целует меня в щёку, разворачивается и уходит. Стою, закрыв глаза, и слышу лишь её шаги. Дрянная девчонка, да что она о себе представляет. Я, блядь, зомби! Венец природы и органической химии. Мне жить осталось сутки. А я всё слышу чёртовы шаги.

Эту ночь я провёл вне особняка. Вне дома.

После момента заражения и первой волны насилия у Гостиного двора пропал какой-то промежуток времени. Вылетел из меня бесследно. Я очнулся от того, что не вижу происходящего вокруг. Лишь блики света играют в моих глазах. Медленно осев на тротуар, обхватил голову руками, завыл от жуткой крутящей боли в голове. Белый яркий свет жжёт изнутри, превращая действительность в пылающий огонь голода.

Ещё один не ясный, не анализируемый кусок времени - я валяюсь в грязи на проезжей части. Постепенно зрение вернулось ко мне. Вырисовывая сумрачный город. Крики жертв и вой инфицированных, отдельные выстрелы. Мерзкий запах собственного страха. Чёрная субстанция ночи поглощает улицы одну за другой. Моя одежда порвана, в грязи, в крови, пропахла мочой. Мелкая дрожь колотит методичным ритмом.

Ночевал в меховом магазине Гостиного двора. Скинув в угол шубы, устроился поудобнее. Вернулось время детских страхов темноты и одиночества. Родители снова ушли куда-то, оставив меня одного в пустой, пугающей квартире, где из каждого угла на тебя смотрит привидение, чей-то призрак. Лишь обрывок ночного неба в окно с мириадами горящих глаз, что сверлят погибшие души. Момент моего душевного надлома.

- Господи! Ты прости меня, не знаю, как обращаться к Тебе. Если это испытание Твое, то как жить дальше? Ради кого? Скажи, Господи! Не молчи! Разверзни небо, прояви гнев свой! Убей меня. Но, только не молчи, Господи!

Мир без меня мог быть лучше. Но кто б ему позволил.

Мы не успели разработать и напечатать пригласительные. Просто договорились не прятаться по норам, не выть в одиночку от страха и жалости к себе. Договорились встретить этот час вместе, единым праздничным порывом открыть свои объятия навстречу смерти. Договорились об этом, смотря им вслед.

На стенах Петропавловской крепости установили полотняные шатры. На входе милovidные девушки цепляют на одежду маленькие алые значки - капельки донора. Креативная находка. Стоят столы. Газовые уличные обогреватели. Довольно ветрено и сыро.

Мишленовские звёзды вновь открытому ресторану за вид, за момент, за потенциал, стремящийся к нулю. Хорошее место, чтобы увидеть развязку, развалившись в плетёном кресле, укрывшись пледом, потягивая коньяк за приятной беседой.

- За вашим столиком свободно? Можем мы присесть?

- Профессор! Рад Вас видеть. Присаживайтесь, конечно.

- А я не один. Со мной мой студент. Будьте знакомы Джон Доу.

Высокий крупный юноша лет двадцати в зелёной куртке аляске, нелепой вязанной цветастой шапке, тёртых коротких джинсах и крупных нубуковых рыжих ботинках. В руках держит небольшую видеокамеру. Ветер крутит вокруг нас, постоянно меняя направление. Я чувствую его запах. Запах не инфицированного человека. Николай Арнольдович наблюдает за моей реакцией, улыбаясь.

- Да, это тот самый американец, которого я обещал Никите. Отказался уезжать. Снимает документальный фильм о случившемся. Говорит, что сможет, как-то через космос, разместить его в интернете. Вы же знаете, я всегда был далёк от этих технологий. Мальчик отказался бежать, мы не смогли настоять. Просто одержим съёмкой.

Профессор садится напротив. Юноша идёт к перилам над крепостной стеной. Включает камеру, начинает снимать. Вид сверху - на противоположный берег Невы, поворот камеры - стены Петропавловки, превращенные в открытую ресторанный террасу. Люди сидят, блуждают между столиками, общаются, молча смотрят вдаль. Женщины. Их

много и все они празднично красивы. Нельзя отвести глаз от нарядов, лиц, тел, глаз. Они улыбаются, шутят, флиртуют.

- Как ты? – надо мной склоняется спутанная борода Алексея.
- Удивлён позитивностью всеобщего настроения.
- Мы решили, ограничить круг посвящённых в причины празднования.
- Оставили военным главную роль – вносить праздничный торт?
- Да. Но будет ещё сюрприз. Так вот и он!

Синхронно между столиками появились люди в белых накрахмаленных поварских кителях со стальными подносами, накрытыми блестящими крышками-куполами. Ровно по одному человеку на стол. Они встали, держа подносы на вытянутых руках. По единому сигналу одновременно открыли купола и поставили на столы литровые фарфоровые кастрюльки, корзины с хлебом, приборы и блюда по количеству сидящих за столом. Невысокий небритый мужчина средних лет выходит вперёд.

- Уважаемые господа. Меня зовут Андрей Тяжкий. Шеф-повар ресторана «Измюм». Прошу вас попробовать наш небольшой сюрприз. Это «foie gras» под ягодным соусом. Горячая закуска, которую можно подавать, как основное блюдо. Небольшие обжаренные кусочки фуа-гра сервируются со слегка обжаренным ананасом, клубникой и соусом из ягод. Сладкий соус с горячим фуа-гра — хорошее, немного необычное сочетание. Свежие фрукты с обжаренной печенью дают очень сочный, легкий вкус. К этому блюду предлагаем белое, слегка фруктовое, сухое итальянское вино. Bon appétit! – он передаёт микрофон Алексею в полной тишине.

- Merci bien. Дорогие гости, мы понимаем ваше опасение. Каждый из нас сталкивался с отторжением обычной пищи. Только кровь и мясо не заражённых могло утолить голод. Прошу вас, доверьтесь нам. Попробуйте.

Я глотаю с опаской. Вкус мяса. Меня не начинает тошнить. Съедаю ещё кусочек, запиваю бокалом вина. Ещё один. Я снова чувствую вкус обычной пищи. Мы снова можем есть. Мы победили голод!

- Они ведь должны об этом знать! Это меняет всё. Даёт нам шанс, – глаза Николая Арнольдовича горят надеждой. Объектив камеры американского студента следит за нами.

- Смогут ли они простить нас? И если «ДА», то сможем ли мы простить себя? Это лишь фальшивый блеск ритуальной процедуры искупления грехов. Ваше здоровье, профессор!

Как сотрудник я был бестолковый. Ничего нового и не известного до этого времени из моих отчётов не следовало. Рафаиль Равильевич хмурился, судорожно говорил о любви к Родине, социальном долге гражданина, моей растущей карьере. Я обещал найти что-то по-настоящему серьёзное, раскрыть антиправительственный заговор, внедриться в ячейку врага. Полковник, молча, долго слушал, пытаясь переиграть меня в гляделки. Курил. Наверно где-то там под аккуратной причёской роились мысли о моёй бесполезности и его зря потраченном времени. Но как человек, взвешенный и рассудительный, он постоянно давал мне ещё один шанс. Мало ли, а вдруг пригожусь.

- Постарайтесь. У меня на ваш счёт определённые надежды. Вы талантливый. Большой потенциал. Только одна просьба. Перестаньте вы писать свои пасквили в интернет. Вы, правда, думаете, что мы не в курсе?

- Я не понимаю, о чём вы?

- Всё вы, дорогой мой, понимаете. Эти возмутительные пошлые подрывные рассказы под ником «snow». У вас хорошие рекомендации, а вы всё портите, по глупости.

Из кожаной чёрной папки полковник достаёт стопку листов, протягивает мне. Сверху мой рассказ «Вертикаль власти» о нано-чипах в мозгах чиновников.

- Рафаиль Равильевич, а вы читали?

- Читал.

- И?

- Мне понравилось. Смеялся. Но сути это не меняет.

Полковник встаёт, накидывает плащ, платит за кофе. Нагибается ко мне, протягивая руку для прощального рукопожатия.

Праздничный вечер идёт своим чередом. Женский щебет вперемешку с мужским монотонным гнусавым диалогом. Мы развернули стулья в ряд напротив крепостной стены. Терпкий вкус вина сменила приятная коньячная строгость. Табычный дым сплёл странный узор из колец и случайных силуэтов нашей памяти. Серое питерское небо дремлет у нас на плечах, как старый дряхлый кот, иногда непроизвольно царапаясь и портя воздух.

Захмелевший профессор стоит на краю стены, на плечах тёплый клетчатый плед. Он увлечённо читает:

Коньяк в графине – цвета янтаря,
Что, в общем, для Литвы симптоматично,
Коньяк вас превращает в бунтаря.
Что не практично. Да, но романтично.
Он сильно обрубаёт якоря
Всему что не подвижно и статично.

- Смотрите, смотрите самолёты! Как красиво! – женщины вскакивают и начинают, восторженно жестикую, указывать в сторону приближающихся ракет. Где-то там, в городе взрывной волной подхватывает мой красный мотороллер и невидимым вьюном тащит вверх. Я закрываю глаза и вижу..

вижу.. Мы едем прочь из Питера. Бежим от жары на залив. Движемся в нашем стареньком опеле по приморскому шоссе. Я веду машину, Тёма спит на заднем сидении, смешно открыв рот и обвиснув всем телом в детском кресле. Рядом со мной Надя. Она в своём любимом просторном зелёном сарафане. Босые ноги взгромоздила на торпеду. Сквозь открытое окно ветер полощет её длинные русые волосы.

- Не представляешь, до какого лицемерия они дошли. Меняют историю, пересматривая идеалы. Декабристы - теперь кучка сумасшедших бунтарей и смутьянов. Безответственно заигравшись в прозападный, чуждый России, либерализм. Стукачи, жандармы и тираны становятся героями и по-настоящему «радеют» за Державу.

Рылеев, Раевский, Пестель, Бестужев, Муравьев-Апостол, Каховский и другие интриганы, и продажные оппозиционеры. Как они посмели нанести урон царскому самодержавию. Убили героя войны Милорадовича. Поколебали народную веру в царя благодетеля. Представляешь! На полном серьёзе, меняют содержание учебников. Защищают диссертации, докторские, пишут научные статьи. Общий тренд – зеркальная смена приоритетов. Что ты молчишь?

- А я вот думаю, насколько может быть вульгарным факт признания в любви собственной жене.

- Дурак, ты меня совсем не слушаешь! Включи тогда радио, – её левая рука ползёт мне в волосы. Включаю приёмник, делаю потише, чтобы не разбудить сына.

Я иду навстречу солнцу
Я дышу порывом ветра
В голове одни вопросы
И ни одного ответа

Наконец всё изменилось

*Разделилось до и после
Я ловлю себя на мысли
Кто я без тебя*

*Глоток дождя попал мне в горло
Я захлёбываюсь счастьем
Я живу, я плачу снова
Я как роза на песке в своей тоске
В твоей любви я раскрываюсь
Я вишу на волоске, я потеряюсь без тебя*

*Впереди темно и страшно
Я сильней своей тревоги
Я могу, я выну сердце
Чтобы осветить дороги*

*Я последний или первый
Я герой или убийца
Что скрывают мои лица
Кто я без тебя*

- Господи, что за дрянь ты слушаешь, любимая!

PS:

Полный доклад агента № K212 (психологический анализ собственного состояния инфицированного объекта) полная версия:

Процесс заражения и адаптации организма к инфекции можно разделить на несколько стадий.

В момент воздушно-капельного попадания вируса внутрь организма человек чувствует безумный голод. Теряет разум и внутренний контроль при виде крови. Несколько дней (около недели) не может остановиться, нападая и поглощая не заражённых жертв. Кровь инфицированных не рождает жажды, скорее наоборот, отталкивает от себя. Обостряются обоняние, вкусовые рецепторы. Постоянный приток сил. Обычная пища отторгается организмом.

Постепенно Ты начинаешь анализировать происходящее, делать выводы. Осознаёшь своё превосходство над ситуацией и слабостью жертвы. Чванство и высокомерие переполняет всё твоё существо. Смакуешь убийство, слёзы и мольбы пищи. Идеализируешь собственные моральные и умственные возможности. Превозносишь себя над природой. Дирижируешь процессом убийства. Принимаешь жажду внутри себя за божий дар и новый виток эволюции.

Ты, твою мать, особенный. Именно голод и чужая кровь сделали тебя таким. Возрадуйся! Алилуя..

Но время идёт. Ты начинаешь осознавать структуру голода, контролировать его. С появлением разума появляется жалость, вновь возникают чувства. Где-то там внутри они просыпаются и становятся невыносимо яркими. Вдруг ты находишь себя на коллективном портрете Иоронима Босха. Одиноко сидишь в углу и с упоением жрёшь самого себя.

Что-то меняется. Хрусталь чванства, цинизма и высокомерия разлетается в мелкую пыль. Остаешься один на один с внутренним грехом. Тлеющим угольком в груди.

Поверьте, я не ищу вашего соперничества. Милосердие здесь не приемлемо. Я зверь и признаю это. Участь зверя быть мишенью. Попасть к вам на праздничный стол и башку на стену генеральского кабинета. Монстр там внутри затаился и ждёт. Моя судьба была предопределена заранее - быть вашим трофеем. И меня не мучит вопрос – почему же я? Так было угодно Богу.

До встречи на охоте!

В результате массовой бомбардировки были уничтожены города: Санкт-Петербург, Кронштадт, Сестрорецк, Колпино, Петергоф, Ломоносов, Павловск. Сегодня зона заражения является закрытой для проникновения штатских лиц.

Через месяц после военной операции «Нарыв» было проведено независимое расследование, вскрывшее факты утаивания и подлога информации службой внутренней аналитики ГРУ. Результаты данной проверки принято решение не разглашать.

Отсутствуют какие-либо официальные данные о спасшихся из зоны действия блокады за весь период действия карантина.

Государственный департамент США отрицает наличие американских подданных в уничтоженном Санкт-Петербурге.

Документальная любительская съёмка автора John Doe из заражённого города побила все рекорды по просмотрам в интернете и повлекла бурю дискуссий. Большинство государственных экспертов назвали данный ролик грязной мистификацией.

«И спросила пресвятая богородица: «А кто те, что по шею в огненном пламени?» И сказал ей архангел: «Это те, кто ел человеческое мясо, за то здесь и мучаются так»»

Хождение Богородицы по мукам (апокриф)

JdR